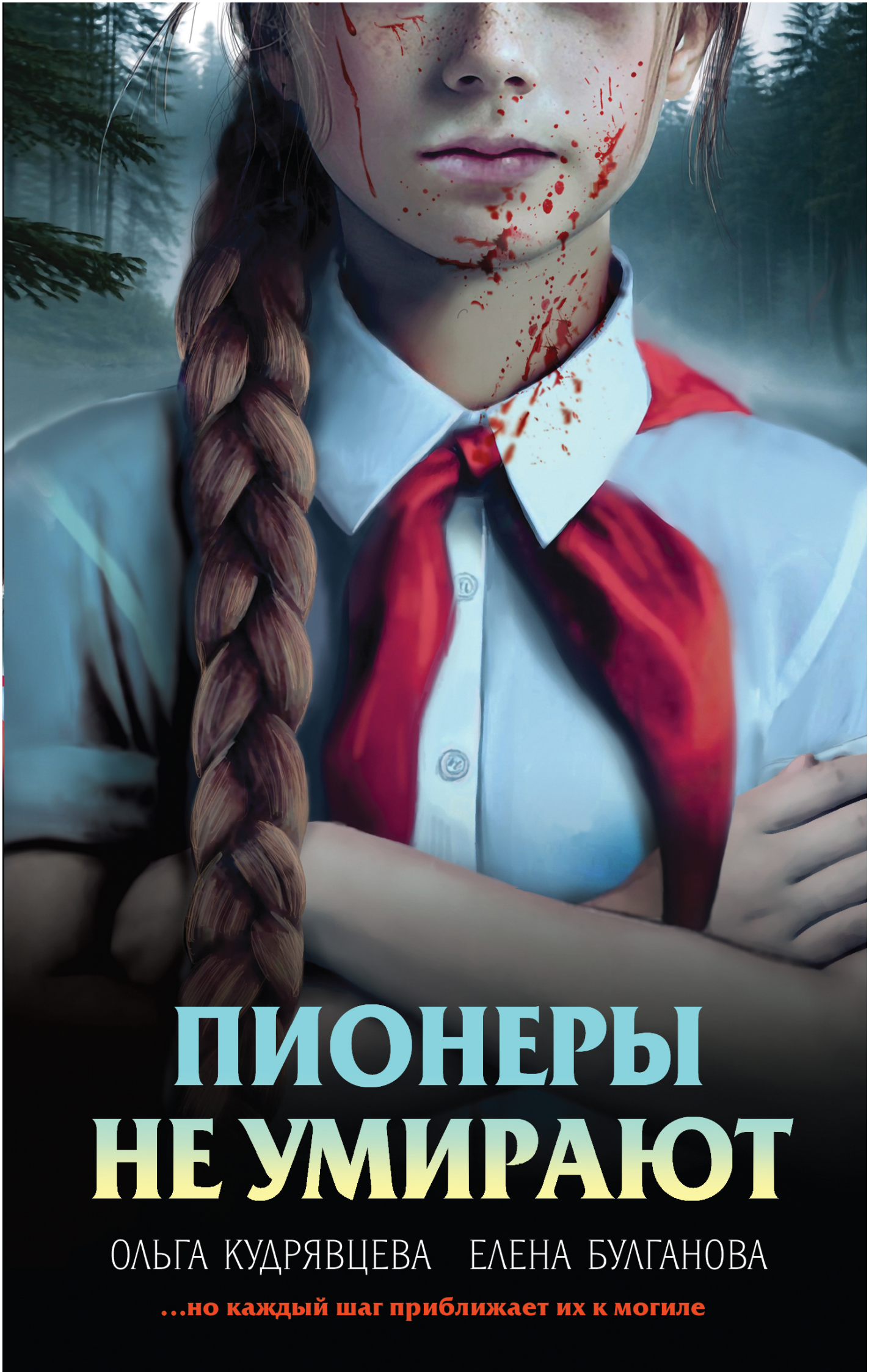

ПИОНЕРЫ НЕ УМИРАЮТ

ОЛЬГА КУДРЯВЦЕВА ЕЛЕНА БУЛГАНОВА

...но каждый шаг приближает их к могиле

Смерть в пионерском галстуке

Елена Булганова

Пионеры не умирают

«Эксмо»
2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Булганова Е. Д.

Пионеры не умирают / Е. Д. Булганова — «Эксмо», 2026 — (Смерть в пионерском галстуке)

ISBN 978-5-04-241305-6

Триллер в декорациях пионерского лагеря в духе «Смерти в пионерском галстуке». Динамичный детективный сюжет о тайнах военных лет переплетается с жуткими лагерными страшилками. Лето 1980-го. В пионерском лагере «Олимпиец» по ночам частенько случаются «кошмарики» — рассказанные перед сном страшилки становятся реальностью! То безголовая медсестра ходит ночью по коридорам, то на окнах появляются черные занавески, предвещающие скорую гибель, то слышатся гитарные аккорды мертвого цыганского табора... Но ужасы в стенах лагеря не так страшны, как секреты, которые он хранит с военных времен. Когда трое пионеров идут в поход к могиле солдата-красноармейца, чтобы почтить его память, по пути им мерещится, что кто-то следит за ними из-за кустов. Вскоре опасения подтверждаются: ребят начинают преследовать неизвестные. К тому же выясняется, что кто-то уже несколько ночей перекапывает берег озера у лагеря, словно в поиске клада. Каждый шаг на пути к цели приближает пионеров к страшной тайне прошлого и… к собственной гибели. «Захватывающая воображение история, наполненная адреналином, глубокими эмоциями и отзвуками давно закончившейся великой войны. Юные герои вынуждены преодолевать себя и свои страхи, чтобы противостоять злу, когда в их жизнь врывается жуткое прошлое и наступает на пятки настоящему. Эта книга о дружбе, мужестве и ответственности перед будущим». — Эльвира Смелик и Екатерина Горбунова, авторы бестселлера «Смерть в пионерском галстуке»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-241305-6

© Булганова Е. Д., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1. «Олимпиец» – лагерь на костях 7
Глава 2. Могила в лесу 14
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Ольга Кудрявцева, Елена Булганова
Пионеры не умирают

© Кудрявцева О., Булганова Е., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Посвящается нашим отцам, Александру и Дмитрию

Глава 1. «Олимпиец» – лагерь на костях

22 июня 1980 года, ровно 4 часа утра

«Война! Ой, мамочки, опять война!»

А что еще могло прийти в голову пионерке Рите Осиповой почти четырнадцати лет от роду, когда ранним утром задолго до подъема пыльно-желтая радиоточка на стене вдруг сама по себе пробудилась, откашлялась и браво гаркнула на всю комнату: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!»? От страха тут же заледенели пальцы, губы и даже, что всего противнее, кончик языка.

«Неужели на нас снова напали враги? Успеют ли всех ребят развезти из лагеря по домам? Вдруг уже бомбят Ленинград? А брат и отец уже воюют? Ой, нет, страшно, не хочу!»

За окном давно рассвело – белые ночи коротки, – но бледно-сизая дымка тумана тушила солнечные лучи, и это означало, что до сигнала горна к подъему остается несколько часов. Остальные девчонки в комнате беззаботно спали и плевать хотели на то, что радио так надрывается. Только на соседней кровати Наташка Мекалева привстала, опираясь на руки, охнула и помотала головой, силясь разлепить глаза. Но не сумела и так с закрытыми и спросила в пустоту:

– Что, очередной кошмарик? А в каком корпусе? Не в нашем же, нет?

Потом она сконцентрировала внимание на радио и расслабилась. Со вздохом облегчения она плюхнулась обратно и натянула подушку на голову, как капюшон.

Три проведенные в пионерлагере недели научили Риту спать вполглаза и вполуха в полной готовности к новой серии того, что сотрудники лагеря называли нейтральным словом «происшествие», а пионеры – «кошмариками». Она привыкла бояться и в то же время по-пионерски непримиримо осуждать себя за этот постыдный страх. Никогда прежде Осипова так часто не думала о пионерах-героях, а точнее, вообще о них не думала. Хотя исправно готовила доклады для сборов о Зине Портновой, о Коле Подрядчикове, о Вале Котике. И даже книгу в лагерной библиотеке взяла, читала тайком, чтобы не засмеяли. Она искала в себе то самое пионерское мужество, мечтала испытать его и вместе с тем считала дни до конца смены и каждый день загадывала: только бы ничего ужасного больше не случилось!

Последние несколько ночей выдались спокойными, и все быстро расслабились, выдохнули и забыли. Испытания подходили к концу… Но почему так громко орало это противное радио? Нужно было встать, подойти и выключить звук, иначе примчится вожатый Игорь и их же объявит виноватыми, а в наказание в очередной раз заставит приводить в порядок территорию лагеря. Рита мысленно рявкнула на себя: «Вставай, трусиха, ну же!»

Борясь с сонным оцепенением, она немного посидела на краю постели, поморгала и глубоко подышала, приводя себя в чувство, а после решительно спустила ноги на пол и натянула домашний халатик. Пальцы превратились в кисель, пуговицы почему-то отказывались лезть в родные петли.

Голыми ступнями Осипова прошлепала к окну, открытому настежь по случаю жары – на черные тучи зависших под потолком комаров уже давно никто не обращал внимания. Оперлась ладонями о подоконник, высунулась по пояс и глянула на небо – не летят ли там уже вражеские самолеты, как во всех фильмах о начале войны? Не летели. Зато было непривычно свежо, белесый солнечный диск над лесом безнадежно тонул в сугробах клубящихся облаков. Распевал беззаботно невидимка-соловей, деревья с легким скрипом разминали ветки, на газоне

самозабвенно стрекотал кузнечик. Откуда-то ощутимо тянуло дымом, и это тоже было странно, тревожно.

«Не смей снова прятать голову в песок, ты же не страус!» – не преминула поддеть саму себя Рита. Никогда прежде она не бывала так строга к себе.

Радиоточку она выключила, но ее сестра-близнец продолжала орать в комнате мальчиков. Осипова на цыпочках вышла на крыльцо и с удовольствием ощутила ступнями гладкие доски. Они в начале смены холодили босые ноги, теперь же до утра сохраняли дневное тепло.

Но погода, похоже, менялась – девочка поежилась от озноба. Влажный туман висел на уровне верхних перил крыльца, она как будто стояла по пояс в облаке. На челке и ресницах тут же повисли микроскопические капли влаги.

Рита вздрогнула, обнаружив, что на мальчуковой части крыльца тоже кто-то стоит. Два боковых выхода из корпуса разделяла частая решетка из тонких, уложенных друг на друга по диагонали деревянных реек с большой нарисованной цифрой «1» – первый отряд. Чтобы увидеть, кто за ней находится, нужно было перевеситься через перила, но Рита медлила, осторожничала. А потом услышала голос, от которого в груди и по щекам моментально разлился жар, а губы сами собой растянулись в улыбке.

– Привет! Тебя тоже разбудил этот дикий ор?

Здесь радио звучало приглушенно, а потом и вовсе стихло – кто-то из парней догадался выключить его, а может, просто чем-то швырнул в него. Рита ухватилась за перила, встав на самый край крыльца, а потом поджала одну ногу и повисла на руке. И едва не столкнулась нос к носу с висящим в такой же позе Димкой Васильевым. Ойкнула, чуть не свалилась. Димка тут же спрыгнул на землю и протянул руки, чтобы поддержать ее – реакция у него была отличная, как и положено спортсмену. Поманил пальцами, мол, прыгай, но Рита помотала головой – в траве у крыльца могли быть камни, а она босая. Не станет же Васильев носить ее на руках!.. А вдруг станет?

– Ну да, разбудил. Я дико перепугалась, – выдавила она, чувствуя, как лицо горит и полыхает почище пионерского костра.

Как же это неудобно – краснеть по любому пустяку!

– Ну эта побудка все же лучше многих, что у нас были, – хохотнул Васильев.

Рита удивилась, сообразив, что на нем пионерская форма, как перед линейкой. Галстук аккуратно завязан, на плечи наброшен верх от спортивного костюма.

– Ага. Но все равно жутко. Не знаешь, что на этот раз произошло?

– Так сегодня же двадцать второе июня, день начала Великой Отечественной войны, – напомнил ей мальчик, и Рита выдохнула с облегчением.

Ну конечно, как же она сразу не сообразила!

– Вожатые еще вчера во время ужина подкрутили радио во всех корпусах, ну кроме малышовых, наверное… Вообще-то суровая побудка, хорошо, что нас Шварц заранее предупредил. Борян всегда в курсе происходящего… Елки зеленые!

– Что?

Димка ловко ухватился за перила, взлетел обратно и приземлился рядом с Ритой. Она чуть попятилась, освобождая ему место.

– Борька просил предупредить вас, девчонок, только мы забыли! А Шварц стеснительный, сам к вам не сунулся. Да и отбой уже был.

– У нас все спят как ни в чем не бывало, – засмеялась девочка.

Ей в этот момент было необыкновенно хорошо, весело, и сердце билось звонко и радостно. Вот так стоять бы рядом с Димкой до подъема на теплых досках и вполголоса болтать обо всем на свете!

– Хорошие нервы у девчат, – улыбнулся Васильев. – А они что, не встают даже?

– А разве надо?

– А то! Сейчас вожатые примчатся, начнут пинками сгонять с коек. Они разожгли костер, будем сидеть вокруг него и петь военные песни. Также в программе встреча с ветераном и викторина на знание дат и событий. А еще чай, бутерброды и печеная картошка. И все это для того, чтобы для нас этот день стал незабываемым.

Рита выразительно вздохнула. Как будто кто-то из них и без сегодняшней ранней побудки забудет эту ужасную первую смену в лагере «Олимпиец»! Дима, кажется, ее понял, ухмыльнулся и сказал:

– Ладно, иди, поднимай девчонок. А то наш Игорек опять озвереет и весь день будет портить нам жизнь.

– Они мне не поверят, что нужно вставать, – поколебавшись, призналась Рита. – Давай лучше ты скажешь им?

Васильев не стал упираться, тут же шагнул к двери, встал к ней боком, приоткрыл и проорал в проем:

– Девчонки, подъем! Вставай, вставай, парадную форму надевай!

На его голос комната отреагировала мгновенно, кто-то взвизгнул, кто-то крикнул «ой, не входи!», а кто-то с шумом свалился с кровати. Рита услышала, как хриплым после сна и оттого особенно неприятным голосом завопила Мекалева:

– Эй, Димыч, поди сюда и помоги мне найти мои тру-у-усики!

– Вообще стыд потеряла, да?! – рявкнула на нее скромница Таня Логинова и, кажется, швырнула чем-то увесистым, потому что Мека захлебнулась от злобного визга.

Несколько девчонок в кое-как запахнутых халатиках выскочили на крыльцо и заголосили, перебивая друг друга: «Ой, Дим, а что сейчас будет? Костер? А ты будешь петь? А картошку печь будем? Ой, класс!» Осипову даже не заметили и едва не спихнули с крыльца. Что поделать? В Диму Васильева была влюблена вся девичья часть их отряда. Вжатая поясницей в перила Рита лишь тихонько вздохнула. Ее золотое время на сегодня закончилось, едва ли еще выпадет минутка пообщаться с Димкой наедине – уж сегодня он точно будет нарасхват.

Вообще-то Рита Осипова ни в какую не хотела ехать в лагерь. Она никогда там прежде не была и не стремилась побывать, хотя многие одноклассницы с удовольствием ждали новой поездки, еще с весны гадали, удастся ли родителям раздобыть путевки. Но Рита всегда была домашней девочкой, только в кругу семьи чувствовала себя спокойно. У нее не было дедушек и бабушек в теплых краях, поэтому каждое лето родители брали поочередно отпуск, чтобы свозить детей, Риту и старшего Лешу, в Крым или в Белоруссию к дальней родне. Один месяц ребята проводили в школьном лагере, да еще Алексей иногда брал сестру в походы или поездки с друзьями – родители ему доверяли.

Но в этом году все складывалось не так, непривычно и потому тревожно. Во-первых, приближалась Олимпиада в Москве. Отец служил в милиции, его заранее предупредили, что летнего отпуска не будет – нужно чистить Ленинградскую область от всяких тунеядцев, алкашей, бичей и прежде судимых элементов, а после следить в оба глаза, как бы они тихой сапой не просочились обратно.

Во-вторых, брата Лешу этой весной призвали. Правда, тут повезло, его не отправили куда-нибудь к черту на рога в другую республику, чего ужасно боялась мама, а оставили в воинской части их городка. Увольнительные не давали, но родители быстро разведали, как под покровом ночи подобраться к казарме, как вызвать сына к заветному окошку и какого размера готовить гостинцы, чтобы пропихнуть их сквозь частую оконную решетку. В свете возможной отправки части, в которой служит брат, в Афганистан – а мама белела всякий раз, когда думала об этом, – об отъезде из города не могло быть и речи. Так что чуть ли не с начала весны началась аккуратная обработка Риты ее родителями насчет поездки в лагерь.

– Просто чудо, какой современный пионерлагерь построил наш институт! – говорила мама с восторженным выражением на лице. – В кои-то веки не поскупился! Там и купальни для разных возрастов, и отличный песчаный пляж! Спортплощадки по последнему слову! И даже будет возможность принимать нормальный теплый душ пару раз в неделю!

Тут принципиальный отец забыл одобрительно улыбнуться, поиграл желваками и сердито обронил:

– Вообще-то позор, что в конце двадцатого века наши дети в лагерях ходят в дырку, моются холодной водой неизвестного происхождения и на ней же им готовят еду.

– В какую еще дырку? – испугалась Рита.

– Да ладно, ничего страшного, – отмахнулась мама. – Ну это как у наших южных родственников во дворе, в дощатом домике, понимаешь? Но более цивильная, не провалишься.

– Еще меньше мне нравится, что в этот домик они ходят через всю территорию в одиночку среди ночи, – окончательно помрачнел отец.

– Ой, да что такого может случиться в пионерлагере?

– Рассказать?

– Не надо, – тут же пошла на попятный мама. – Но ведь это в лесу, далеко от города. А этот лагерь обнесен высоким забором, два сторожа присматривают за территорией. Рядом только деревенька, да и там лишь пара дряхлых стариков.

Рите показалось, что слова мамы отца не слишком успокоили. Нужно было срочно воспользоваться этим и привлечь его на свою сторону. Она выдвинула подбородок и как можно решительнее заявила:

– Не хочу я в лагерь. Чем хуже школьный? Буду со всеми на экскурсии ездить, в кино ходить…

– Школьный не хуже, плохо другое, – начала заводиться мама, как видно, ощутив шаткость своей позиции. – Мне не нравится, что ты вечно одна, со своими книжками, в своей комнате, совсем мхом заросла. У девочки твоего возраста обязательно должны быть подруги.

– У меня была подруга, – напомнила ей Рита, горько вздохнув.

Она все еще грустила по веселой бесшабашной Ирке Терехиной, с которой дружила в четвертом и пятом классах, пока ее отца-военного не перекинули в очередной раз куда-то очень-очень далеко. Даже письма от Ирки оттуда шли бесконечно долго, и в итоге их с Ритой переписка сошла на нет.

Мать, подбоченясь, сердито сверкнула глазами.

– Ну подруга, к счастью, – это не мама и не папа, не обязана быть одна на всю жизнь. Заведи другую!

– Можем в выходные съездить на Птичий рынок, поискать там по сходной цене, – хмыкнул отец и удостоился за это свирепого взгляда.

Рита знала, что мама на самом деле не злится, просто, по ее же выражению, «выпускает пар».

– В нашем классе все уже с кем-то дружат, еще с начальной, – попыталась растолковать она. – Я со всеми в хороших отношениях, конечно, но…

– Вот и отлично, что я уже заказала путевку! Подружишься с кем-нибудь в лагере, раз уж в классе всех разобрали. Все равно это будет девочка из нашего города. Станете потом гулять по выходным, ходить вместе в Дом пионеров или в бассейн. Между прочим, в нестандартных ситуациях дружба складывается быстрее и легче, чем в школе.

– В каких таких ситуациях? – окончательно струхнула Рита, даже кровь противно и тоненько запела в висках.

Мама, закатив глаза и шумно дыша, удалилась в кухню. Отец задумался, что-то припоминая, помассировал свой затылок, потом сказал:

– Ну у вас там будут всякие игры, эстафеты, соревнования между отрядами…

– Я не люблю соревноваться.

– Да, вот еще! «Зарница»! Это как «войнушка», только гораздо интереснее. Будете бегать с картой по лесу и искать штаб противника.

– Я плохо бегаю.

– Ну и танцульки по вечерам, страшилки перед сном…

– Да не хочу я!

– Так, все! – хлопнул ладонью по столу отец, и Рита поняла, что ошиблась, он не займет ее сторону. – «Не люблю», «не могу», «не хочу»!.. А ты думаешь, обоим твоим дедам сильно хотелось все бросить и пойти воевать? Они наверняка тоже не любили жить впроголодь, спать в окопах, ежеминутно рисковать собой! Однако побежали записываться в солдаты в первый же день, как только враг напал на нашу страну! Тебе, дочь, в следующем году в комсомол вступать – вот представь, что на собеседовании в горкоме зададут вопрос: «А приходилось ли тебе, Рита Осипова, преодолевать себя, делать то, что не хочется?» Какой будет твой ответ, а?

Рита напряглась – с комсомолом не шутят. Если ты не комсомолец, значит, какой-то мутный, подозрительный элемент, тебя могут и в институт не принять. Придется, видимо, в самом деле ехать в лагерь и считать это испытанием на стойкость.

Было до слез обидно, что отец не понимает: она не трусиха, просто очень ответственная, больше всего на свете боится подвести товарищей. Для нее не было ничего ужаснее спортивных эстафет, когда все смотрят на тебя, орут и требуют поскорее передать палочку следующему члену команды, а ты безнадежно застряла на препятствии, на каком-нибудь дурацком козле. Всегда в начале каникул она радовалась в первую очередь тому, что на пару недель или аж на три месяца свободна от страшной тени уроков физкультуры с неизбежными эстафетами – с другими предметами проблем никогда не было. И надо же! Родные папа и мама хотят сплавить ее в место, где ужасные эстафеты и непонятные игры проходят, похоже, каждый день!

И конечно же, пару месяцев спустя она уже загружалась вместе с ватагой незнакомых ребят в автобус и суматошно и скомканно прощалась с мамой – отцу не удалось вырваться со службы. Какой-то парень выхватил у нее из рук желтенький чемодан с ее фамилией, написанной на крышке химическим карандашом, и закинул его на заднее сиденье. Рита от страха перемен мало что соображала, шла, куда несла толпа, а потом с удивлением обнаружила себя уже сидящей у окна. Мама снаружи смотрела на нее снизу вверх как-то жалобно, с болью в глазах, и давала последние наставления, но, поскольку окно было закрыто, смешно гримасничала, как будто Рита умела читать по губам.

Потом автобус тронулся, завыли сирены сопровождающих колонну милицейских машин. Место рядом с Ритой осталось свободным, и она тут же углядела в этом мрачное предзнаменование: конечно, и в лагере никто не захочет дружить с ней, все сочтут ее странной, диковатой, не от мира сего. Ну и подумаешь!

Она сложила руки на груди, закрыла глаза и стала воображать, что в одной из машин сопровождения едет ее папа. Вдруг он решил сделать ей сюрприз? В конце пути встретит дочь у дверей автобуса, поможет спуститься, первой проведет в ворота лагеря. И все будут завидовать ей.

– Говорю тебе, это о-очень страшное место! – торопливо произнес сзади такой сиплый голос, будто его обладательница не вполне оправилась после ангины. – Когда расчищали территорию под лагерь, нашли несколько ям с человеческими костями. Костей было много, а черепушки – ни одной, представляешь? Многие рабочие не захотели там больше оставаться, вернулись в город. Думали, что строительство остановят, будут все перерывать, искать черепа. Мой батя тоже, когда вернулся домой, неделю нормально спать не мог, прямо места себе не находил. Мать орала на него из-за денег, но батя уперся, мол, не сунусь туда ни за что, жизнь дороже. А теперь нас туда везут, прикинь?..

Рита вывернула шею, чтобы заглянуть в проем между сиденьями. Сзади расположились две девочки ее возраста. Говорила круглолицая, у которой во все стороны торчали желтыми прядками давно не мытые волосы, на кончике короткого носа розовело пятно, будто на него капнули кипятком. Глаза были широко расставленные, очень светлые, нагловатые и недобрые. Девочка выглядела какой-то неряшливой, Рита всегда таких сторонилась.

Сидящая рядом с ней хрупкая, маленькая кудрявая девочка с лицом размером с кулачок, приоткрыв рот, хлопала ресницами в немом испуге. Наконец она громко сглотнула и задала резонный вопрос:

– А зачем тебя родители отправили в этот лагерь, если знают про такой кошмар?

Не дожидаясь ответа, она быстро-быстро закрутила головой, словно прикидывая, не удастся ли прямо сейчас выскочить из автобуса и вернуться домой. Но колонна уже выехала за пределы городка, вокруг тянулись только пыльные пролески.

– Куда достали путевку, туда и отправили, – грубовато ответила круглолицая и поджала сухие тонкие губы. – Не в городе же все лето торчать! И вообще, я не боюсь. Подумаешь, кости…

– А я вот боюсь, Наташ, ужасно боюсь!

– Слышь, а еще, когда корпуса строили, такая история была… – зловещим голосом и с поистине иезуитским наслаждением снова завела круглолицая.

Но ее перебил громкий звонкий голос:

– Ребята! Посмотрите все сюда, пожалуйста! Чья это сумка? Кто ее забыл на переднем сиденье?

Осипова глянула. Возле кабины водителя стояла девушка лет девятнадцати, такая милая, что Рите захотелось прижать ладони к щекам и сказать «ах!». Вздернутый точеный носик, ласковые глаза, улыбчивый рот, уголки которого были приподняты даже сейчас, пока девушка озадаченно обводила взглядом ряды сидящих. Очень светлые волосы спадали подвитыми внутрь локонами, совсем как у певицы Мирей Матье. А тоненькие, словно нарисованные темным карандашом брови разлетались двумя высокими дугами и то и дело исчезали под густой челкой. На девушке было простое белое платье с короткими рукавчиками, к груди был приколот комсомольский значок. Матерчатый пояс подчеркивал необыкновенно тонкую талию. Вся девушка была как хрустальная, до блеска вымытая рюмочка. Или ожившая под дождем молодая березка. Рита обожала придумывать такие сравнения для людей, которые ее чем-то впечатлили. Решила, что рюмочка все же лучше, не так избито. Она завороженно наблюдала, как девушка ловко балансирует с переполненной сумкой, и сердце ее билось все чаще. «А вдруг это наша вожатая? Вот было бы счастье!»

– Ну ребята, почему вы молчите?! – взмолилась девушка, подняла на уровень груди холщовую квадратную сумку с раздутыми боками и едва удержала равновесие. – Хозяин сумки, отзовись! Она не подписана почему-то.

И пошла вдоль прохода, как будто кто-то мог эту сумку, больше похожую на подушку с ручками, не разглядеть даже с заднего сиденья. Когда она проходила мимо Риты, ее ноздри раздулись от бесподобного аромата свежайшей выпечки. Еще мгновение назад она поклялась бы, что сыта, но сейчас ее горло само собой совершило глотательное движение.

– Сумку тетенька одна нам оставила! – выкрикнула позади Риты круглолицая девчонка, которая рассказывала страшную историю про кости. – Это на всех. Сказала: «Кушайте, деточки, на здоровье, пока едете до этого вашего лагеря!»

Рита сразу поняла, что девчонка нагло врет, и возмутилась (про себя, конечно). А вот вожатая почему-то поверила, заулыбалась и воскликнула громко, на весь автобус:

– Какая добрая женщина, верно, ребята? Оставила нам угощение! Сейчас мы его честно поделим на всех!

И принялась раздавать направо и налево коржики, ватрушки, трубочки с кремом, оладьи, сырники, куски шарлотки и блинчики с творогом. Немедленно начался веселый обмен с просьбами «попробовать кусочек» и «оставить половинку».

Только высокий полный мальчик с шапкой рыже-каштановых волос, сидящий через проход от Риты тоже в одиночестве, зажмурил глаза и уронил на грудь голову, сделав вид, что спит, когда вожатая подошла к нему. Рука крепко сжимала край сиденья, чем выдавала его нешуточное смятение. «Наверное, боится насмешек, – посочувствовала ему Осипова, утопая зубами в упоительной мякоти рогалика с начинкой из шоколада и орехов. – Над толстыми вечно смеются, стоит им поднести ко рту хотя бы крошку. А что же им теперь, от голода помирать, что ли?» Рита всегда болезненно реагировала на несправедливости жизни, но не с кем ей было своими переживаниями поделиться.

Глава 2. Могила в лесу

22 июня 1980 года, раннее утро

Осипова влезла в пионерскую форму, повязала перед зеркалом тщательно выглаженный с вечера галстук и натянула белые колготки – страшный дефицит, мама велела беречь их как зеницу ока. Сверху накинула свой старый темно-синий осенний плащ, уже ставший тесным и теперь отрабатывающий последний срок перед отправкой на помойку. Конечно, к костру было бы удобнее одеться как-нибудь иначе, но раз Боря сказал, что нужно по-парадному… Боря всегда все знает.

Кто-то оглушительно громко постучал в дверь между комнатами девочек и мальчиков, а потом почти сразу открыл ее. Взвизгнула парочка еще полуголых копуш, а Рита поморщилась, увидев на пороге их вожатого, Игоря Андреевича.

Вожатый ей категорически не нравился, с первого же дня в лагере внушал необъяснимую антипатию. Некоторые девчонки считали Игоря очень симпатичным, ходили слухи, что вожатые и даже воспиталки все поголовно от него без ума. А вот пионеры первого отряда своего вожатого не жаловали. Боря Шварц при появлении Игоря всякий раз кривил лицо и прикрывал ладонью нос, хотя Игорь ничего плохого ему никогда не делал. А пахло от вожатого свежевыглаженной одеждой, шампунем «Лесной» и мылом «Апельсин».

– Готовы? Все надели форму и галстуки? – отрывисто спросил Игорь, прищурив глаза так, словно плохо видит, хотя зрение у него было как у орла, ребята давно в этом убедились. – Так, встаем в ряд, я проверю!

– А где наша Света? – робко пропищала Танечка Логинова из-за спин других девочек.

– Не Света, а Светлана Васильевна, – немедленно срезал ее Игорь. – У Светланы Васильевны сейчас другие дела. Строимся, строимся, я жду!

Насупившись, сложив руки за спиной и тяжело ступая в начищенных до зеркального блеска ботинках, он пошел вдоль ряда притихших девочек. Напротив каждой замирал и придирчиво оглядывал с головы до ног своими острыми темными глазами. Кому-то он велел сменить босоножки на туфли или, на худой конец, кеды, Наташу Мекалеву отослал в гардеробную отпаривать галстук, кудрявую Лену Рыжкову отругал за ужасную прическу, она тут же начала горько всхлипывать и раздирать пальцами свои кудряшки. А после распорядился немедленно выйти из корпуса и построиться у главного входа. Через спальню мальчиков выйти не разрешил. Наверняка из вредности – там, судя по тишине, уже никого не было.

Парни первого отряда в полном составе толпились на плиточной дорожке перед корпусом. Игорь приказал всем построиться так, как они обычно ходили на линейку или в столовую.

Но повел не на площадь для проведения линейки, а к большому кострищу, устроенному между главным корпусом и баскетбольной площадкой. Оно было обложено по кругу крупными овальными булыжниками, еще не успевшими полностью почернеть. Вокруг кострища квадратом в несколько рядов были уложены стволы корабельных сосен – очищенные от коры, медовые, пахучие.

Рита села, протянула руки к костру и втянула носом волнующий запах горящего дерева. И порадовалась тому, что сегодня прохладное утро, сидеть у огня – самое то. А потом прижала к груди кулачки, зажмурилась и загадала: пусть в этом огне сгорит все дурное и постыдное, что случилось с ней в лагере!

И тут же ощутила сильный толчок под локоть, ойкнула и распахнула глаза. Оглянувшись, обнаружила у себя за спиной желтую макушку Мекалевой – та, согнувшись в три погибели, пряталась от цепких глаз вожатого. Красный галстук Мека сняла и теперь пыталась разгладить измятый материал прямо у себя на животе. Поймав Ритин взгляд, она прошипела сквозь зубы:

– Так я и останусь одна в корпусе, ждите! Чтобы со страху окочуриться, что ли?

Осипова понимающе кивнула и со вздохом покосилась на собственный галстук. Он, выглаженный с вечера и провисевший всю ночь поверх полотенца на спинке кровати, выглядел теперь ничуть не лучше Наташкиного. От туманной влаги ткань пошла пузырями, а кончики завились в спирали и стали похожи на новогодние игрушки-сосульки.

Все отряды, за исключением малышей-октябрят, уже расселись вокруг костра. Рита радостно заерзала на бревне, заметив вожатую, обожаемую первым отрядом Светочку-Светлану (по отчеству они никогда ее между собой не называли). В своем неизменном белом платье и красном галстуке с задорно торчащими уголками она сновала вокруг костра, морщилась, смешно отфыркивалась от дыма и ловко расставляла на принесенных из игротеки раскладных столиках подносы с бутербродами и чаем.

Принесли их воспитательницы отрядов из брезентовой комнатки, разбитой в стороне от костра, под высоченной сосной – одним из немногих деревьев, уцелевших на территории лагеря при строительстве. Наверное, его пощадили за возраст и величественную, хоть и дряхлую красоту. Рита вдруг подумала, как же грустно сосне взирать с высоты на остовы своих бывших подружек, и от этой фантазии тут же защипало в носу.

На отдельном бревне в первом ряду сидели старшая пионервожатая, тренер и даже сам начальник лагеря – молчаливый, еще довольно молодой мужчина в круглых очках с толстыми линзами, неестественно увеличивающими его бледные водянистые глаза. Его голова, наполовину лысая, наполовину тщательно выбритая, напоминала мишень в тире – настолько четкой была граница между блестящей желтоватой кожей и темной щетиной. Звали его Сергей Сергеевич, но в лагере он сразу получил прозвище Самурай. Почему, никто толком не мог ответить, но в его манере держаться было что-то от древнего воина: неподвижная осанка, привычка подолгу не моргать, резкие стремительные движения. Говорили, что он преподает биологию в одной из школ их городка и что ученики его до смерти боятся. Но в лагере Самурай был почти невидимкой, все вопросы решал в своем кабинете. Вблизи Рита видела его только в те моменты, когда в лагере случалось «происшествие», очередной «кошмарик». Тогда начальник лагеря преображался, из тени превращался в хищника. Это по его приказу проходили повальные шмоны и даже личные досмотры. Некоторые ребята после беседы в кабинете начальника лагеря возвращались в свои корпуса слегка позеленевшие и очень молчаливые.

На самом краешке бревна, будто случайный наблюдатель, скромно примостился лагерный сторож Иван Петрович. Спину он держал очень ровно, широкие плечи были разведены, ладони – зажаты между коленями. Порыжевшая от времени штормовка была застегнута под горлом. Полностью седые, но очень густые волосы сторож, как всегда, аккуратно зачесал назад, и они лежали неподвижно, хотя над поляной разгуливал легкий утренний ветерок, гоняя остатки тумана. А вот брови у него были широкие и темные, как у молодого, и это выглядело странно, сбивало с толку. Пожилой сторож с первого взгляда очень понравился Рите, он напомнил ей дедушку, маминого папу, уже умершего. Но после того, что случилось с ней в первую же ночь в лагере, она чувствовала себя в его присутствии неуютно, при каждой случайной встрече возвращались стыд и недовольство собой. Вот и сейчас девочка поспешила отвернуться.

Вначале была торжественная часть. Вожатая из второго отряда (низкорослая и курносая, совсем не чета их Светлане), вскинув голову и сцепив руки за спиной, проникновенно рассказывала о том, как 22 июня 39 лет назад на советскую землю вторгся подлый враг и на рассвете посыпались бомбы на головы мирно спящих людей. Рита слушала внимательно, привычно примеряла ситуацию на себя. Страшно умереть от разрыва снаряда, даже не поняв, что

происходит, но все же лучше, чем лицом к лицу столкнуться с безжалостным врагом, испытать, возможно, ужасные мучения. Она бы не выдержала. Но что, если бы от ее молчания зависели жизни товарищей? Пришлось бы терпеть, куда денешься. А если бы на ее глазах пытали маму? Нет, о таком и думать нельзя, невозможно! Рита была рада, что до замученных фрицами пионеров-героев рассказ вожатой не дошел, ограничился подвигом защитников Брестской крепости.

Потом выступал начальник лагеря. Он долго разгибался, откашливался, тяжело ворочал плечами. Пронзительные глаза за запотевшими очками так и бегали по рядам, заставляя пионеров опускать головы и съеживаться.

– Ребята, сегодня день скорби, – начал он очень просто. – И напоминание всем нам, что такое однажды может повториться. Мы все должны быть готовы к этому. Вы готовы?

– Всегда готовы! – бодро отрапортовали по инерции несколько голосов, кто-то даже руку в салюте взметнул.

Но сегодня активисты попали впросак. Начальник скривил тонкие синеватые губы так, словно раскусил нечто тухлое, и покачал головой.

– Нет, друзья мои, вы не готовы. Вы *не готовы*! Вы слишком привыкли к мирному времени, к обилию вкусной еды и к тому, что с вами все носятся, защищают вас, оберегают. Сытая жизнь породила в вас склонность ко всякого рода фантазиям, которые вытеснили из ваших голов более важные проблемы. Глупые вымыслы загородили реальные ужасы, которые хорошо известны вашим ровесникам в других странах: нищета, тяжкая работа с раннего детства, невозможность получить образование…

– Ого, Самурай даже в торжественной речи сумел проехаться по нашим реалиям! – шепнул Рите на ухо Боря Шварц.

Она совсем не удивилась, что он оказался рядом, – привыкла уже.

Рита повертела головой, выискивая среди ребят Димку, не увидела, и сердце от страха задергалось в горле. Неужели и его Игорь оставил что-то доделывать в корпусе? А ведь там опасно, в любой момент может повториться то жуткое, необъяснимое – в общем, «происшествие».

– Все в порядке, – негромко сказал Шварц, глядя в этот момент совсем в другую сторону. – Васильев в комнатке.

Рита выдохнула, расслабилась. Скоро конец смены, все тревоги и страхи останутся позади и постепенно забудутся. В конце концов, из этой смены она вынесла очень важные для себя уроки, нашла друзей, с которыми очень надеется не потеряться в городе. А все остальное – ерунда, чей-то жестокий и необъяснимый розыгрыш.

Потом их вожатая Светочка читала стихи о войне собственного сочинения и была в этот миг такой звонкой, чистой и убедительной, что Рите не пришло в голову вслушиваться в текст, достаточно было, приоткрыв рот, любоваться девушкой. Осталась в голове только одна фраза: «Один упал, а он, быть может, гений, но этого уже не доказать…»

Не успела Осипова обдумать эти тревожные слова, как из комнатки вышел Димка Васильев с гитарой в руках, встал чуть поодаль от костра, решительно вскинул голову и запел:

– Здесь птицы не поют, деревья не растут, и только мы плечом к плечу врастаем в землю тут…

В этот момент Риту привычно затопила та радость, от которой хочется раскинуть руки, поднять голову и закричать в небеса, ощущая необыкновенную полноту и ясность жизни. Так всегда бывало, когда Димка пел. Вдруг приходило осознание, что жизнь – это здесь и сейчас, пока звучит его высокий чистый голос, а она смотрит и понимает, что любит его, и важнее этого чувства ничего в мире нет. Любовь спасает от сомнений и страхов, дает силы выдержать любые испытания.

Потом Васильев пел еще «Темную ночь» и «Стоит над горою Алеша». Пробрало даже педсостав, несколько воспиталок вовсю хлюпали носами. Допев, Димка тут же ушел в комнатку. Оставил там свою гитару, вернулся и сел рядом с другим отрядом на свободный край ствола, сгорбился и вцепился руками в колени. Его потряхивало от пережитого волнения. Рите ужасно захотелось подойти, тронуть его за плечо, сказать, что выступил он, как всегда, отлично. И почему только ему не разрешили спеть больше песен? Ведь выложенная в золу картошка все равно пока не готова…

Кто-то потянул ее за рукав. Осипова обернулась, растерянно и чуточку сердито глянула на Борьку Шварца.

– Ну что еще?

– Тихо! – прошипел Борис. – Ты почти встала на ноги. Сядь и слушай, а то попадет.

Рита шлепнулась обратно на бревно и поморгала, заставляя себя вернуться в реальность.

Теперь возле костра стоял сторож Иван Петрович. Но в каком виде! Он скинул привычную всем брезентовую штормовку и остался в темно-сером костюме, ловко сидящем на его поджарой, совсем не стариковской фигуре. По груди застегнутого пиджака рядами шли ордена – много, не сосчитать. От такого преображения Рита широко распахнула рот и не сразу догадалась захлопнуть его.

Иван Петрович стоял неподвижно и смотрел поверх голов туда, где колыхались за забором лагеря могучие кроны корабельных сосен. Вышла Светлана, встала рядом с ним и объявила дрожащим от волнения голосом:

– Ребята, вы все хорошо знаете сторожа нашего лагеря Ивана Петровича Северцева. Но пока не знаете самого главного. В годы Великой Отечественной войны Иван Петрович воевал в этих местах, гнал поганых фашистов, осуществлял связь с партизанскими отрядами, которые действовали в окрестных лесах. Сейчас он сам об этом расскажет.

Она тут же вернулась на бревно, обняла руками коленки и слегка приоткрыла рот в ожидании необыкновенного рассказа. Но Иван Петрович молчал. Он словно и не заметил, что его уже объявили и теперь все у костра не сводят с него глаз.

Как раз в этот момент далеко в чаще закуковала кукушка, и он как будто решил узнать, сколько лет она ему предскажет еще пожить. Рита видела, что Светочка заволновалась, оперлась ладонями о ствол, как будто собираясь вскочить и прийти на помощь незадачливому оратору, но тут сторож встрепенулся, вскинул голову, глубоко вдохнул и заговорил глуховатым, но сильным и выразительным голосом. Рита и раньше удивлялась, как четко он артикулирует каждое слово, не позволяет себе глотать звуки, как делают все вокруг. Жаль, что видеть сторожа ей обычно доводилось в неприятных или тревожных ситуациях.

– Я так часто рассказывал эту историю… – негромко начал он, едва умолкла птица в лесу. – В школах на уроках мужества, на партсобраниях, просто своим товарищам. И в какой-то момент мне начало казаться, что я пересказываю впечатливший меня сюжет из книги, на самом деле ничего этого не было. И мне очень хочется верить, что этого не было. Что мой друг Павел Афанасенко сейчас жив, он такой же старик, как и я, окружен семьей, внуками, присылает мне открытки на праздники и в каждой зазывает в гости погреть косточки у теплого моря. Но, увы, это не так… В конце июня сорок третьего мы с Пашей находились в партизанском отряде с целью координации действий со штабом армии. Командир отряда вызвал нас двоих, спросил, знаем ли мы эти леса. Павел приуныл – он-то был из Одессы, а у меня родня жила здесь, в деревушке рядом с нашим лагерем. Я выступил вперед и сказал: «Разрешите доложить, товарищ командир! Эти леса знать невозможно. Здесь и болота есть, и трясина, в которой на раз пропадешь, и овраги, в которых шею сломишь. Хорошо знаю только район Очков, облазал там все мальчишкой». А Очками, ребята, называли два круглых озера, соединенных между собой необычайно длинным оврагом. Одно озеро вы отлично знаете, оно находится на территории лагеря и сейчас зовется Пионерское. А есть второе, близнец его, в самой чаще леса. В овраге

том всегда раньше прочих мест появлялись ягоды и грибы, но многие местные боялись туда соваться, считали его дурным местом, ловушкой, люди там пропадали…

Тут коротко и сухо кашлянул Игорь, словно напоминая выступающему, что его пригласили рассказать вовсе не об особенностях местного ландшафта и тем более не о местных мифах. Иван Петрович намек поймал на лету и сконфуженно улыбнулся.

– Прошу прощения, отвлекся на воспоминания юности. Так вот, командир что-то обдумал, походил туда-сюда, потом начал излагать нам задание. Сказал, что через пару дней планируется разгром фашистского аэродрома, который фрицы построили возле одного из озер, но вот поступают от местных жителей сведения, будто аэродром там – скорее прикрытие и защита чего-то гораздо более важного для нацистов. Будто в корпусах бывшего детского дома они устроили глубоко засекреченную базу. Но ладно бы так, накрыть их всех с воздуха – и дело с концом. Беда в том, что из-за неразберихи с документами до сих пор было неясно, успели ли вывезти оттуда детский дом, а если успели, то полностью или частично. А еще ходил слушок, что свозили туда из лагерей наших пленных, да и местных жителей хватали для научных экспериментов, в одном из корпусов держали. В таком случае поливать территорию огнем нельзя, нужно сперва попытаться выручить наших людей. Но ведь и сами фашисты могли распускать слухи о тайной тюрьме в целях дополнительной защиты, верно? Вот нам с Павлом и предстояло выяснить, есть на деле такая тюрьма или нет. Через час были готовы. Сдали все документы, переоделись в штатское, оставили себе только пистолеты и гранаты на крайний случай. К ближайшей деревне нас подбросили на подводе, а там мы дошли уже пешком – дорог в нашем лесу нет. Пробирались больше суток, ночевали в овраге, блуждали. Карты точной не было, а лес этот – великий обманщик. Наконец на рассвете вышли к одному из озер, увидели огороженную территорию, перебрались через ограду так, чтобы проволоку не потревожить – нашли близко стоящие деревья и перелезли с одного на другое. Там обнаружили трехэтажные корпуса по обе стороны от спортивной площадки. Правый выглядел обжитым, чистеньким, в окнах трепыхались белые занавесочки. На стене прямо на свежей штукатурке был выведен двухметровый рисунок: рогатое дерево, на гладком стволе рога как у горного барана, завитушками. Ребятишки, вы никогда такое изображение тут не встречали?

Иван Петрович на этих словах сделал паузу и внимательно осмотрел ряды пионеров и воспитателей, будто ответ очень важен ему. Рита заметила, как дернулся рядом с ней Шварц, почти уже вскинул руку, но потом рывком убрал ее за спину. «Затюкали парня, вечно советуют ему быть скромнее», – подумала она с обидой за приятеля.

Сторож еще пару секунд подождал, потом продолжил:

– Ну ладно. Второй корпус-близнец был обнесен высоким забором, который оплетала колючая проволока. Мы с Пашей стали искать способ, как бы заглянуть за него и самим не попасться на глаза – вовремя заметили вышку и фрица с автоматом на ней. Двигаться мы могли только вдоль озера, забор отставал от него примерно на метр. В одном месте удалось раздвинуть две дощечки, и мы увидели захламленный двор совсем без травы. Валялись какие-то истлевшие вещи, оловянные чашки и миски, смрад стоял, как на помойке. Все окна были намертво забиты деревянными щитами. Но наши взгляды были прикованы к единственному человеку во дворе – к девушке. Паша даже рот ладонью прикрыл, чтобы не присвистнуть от восхищения – девушка была красавица! Очень худая, почти прозрачная, сидела прямо на земле и плела свою черную длинную косу. Смуглая, глаза как бездонные провалы, перевязана крест-накрест цветастым платком. Она неотрывно смотрела на небо, словно прощалась с ним, осознавая, что этот рассвет может стать для нее последним. Паша цвиркнул лесной птицей, привлекая ее внимание. Девушка ничуть не испугалась, как будто уже разучилась бояться. Вставать на ноги не стала, так и переползла к нам, делая вид, будто собирает на земле редкие травинки. Мы спросили ее, кто содержится в этом корпусе, сколько всего человек. Точного количества девушка не знала, но сказала, что человек сто точно наберется. Здесь и местные жители, и

цыгане, остатки ее табора. Есть военнопленные, их держат на верхних этажах, на самолетах раз в неделю доставляют новых. На людях ставят чудовищные опыты, уже половина сгинула без следа. Детдомовских детей нет, только те, кто попал сюда вместе с матерями. Мы слушали, а сами все совали девушке в руки куски хлеба и шоколада, выгребали их из карманов. Потом поклялись, что скоро всех освободим, пусть держатся и ждут. Разгорался рассвет, нужно было уходить…

Тишина, которая стояла в начале рассказа сторожа, была нарушена. Рита услышала тихое, испуганное, взволнованное перешептывание за спиной. Нет, не эпизод далекой войны так потряс ребят, а то, что рассказ Ивана Петровича был похож на «происшествие». Он открыто говорил о том, что многие до сих пор считали выдумкой, частью непонятного дикого розыгрыша.

– Мертвый табор, Мертвый табор! – звучало со всех сторон.

– Ти-хо! – привстав, внушительно гаркнул начальник лагеря, и вернулась былая тишина.

А сторож и не заметил ничего, все продолжал свое.

– Скользнули мы в озеро, переплыли на другой берег. Потом шли через лес, обсыхали. Паша без устали говорил о красивой цыганке, мечтал снова повидать ее, а то и самолично освободить…

Игорь снова кашлянул. Наверное, он этим намекал Ивану Петровичу, что упоминание национальности ни к чему, достаточно просто «красивой девушки». Рита не удержалась, развернулась на бревне и послала вожатому сердитый взгляд, который тот, разумеется, не заметил, а заодно глянула на Борю Шварца… и удивилась.

Парень так сильно подался вперед, что уже не сидел на бревне, а только упирался в него заведенными за спину руками – вот-вот свалится. Взгляд его был прикован к сторожу, в нем читалась откровенная ненависть. Нижнюю губу Шварц оттопырил, примешав к гримасе гнева изрядную долю отвращения. При этом он машинально приподнимал и опускал плечи, как будто в чем-то сомневался, о чем-то спрашивал себя и не находил ответа. И, конечно, тянул в сторону говорящего свой тонкий длинный нос, словно обнюхивал, но к этой странности Шварца в первом отряде уже давно привыкли. «Чего это он?» – удивилась девочка. Она считала Борьку самым добрым парнем в лагере, а уж со сторожем они в последнее время были неразлейвода, Боря вечно бегал и искал его на территории. Рита отметила для себя, что нужно будет позднее расспросить Шварца, какая кошка между ними пробежала, и снова вся превратилась в слух.

А Иван Петрович знай себе рассказывал и ни на какие покашливания и взгляды внимания больше не обращал.

– Вдруг слышим – залаяли позади собаки, много! Погоня! А мы передвигались по дну оврага между озерами. Лето стояло засушливое, овраг высох. Прежде мы этому радовались, но теперь от собак было не отделаться, следы не замести. Бросились бежать изо всех сил. Вдруг я споткнулся о корень и полетел вперед так, что даже кувыркнулся через голову. Хотел вскочить на ноги… и едва удержался от крика. Левая нога как чужая стала, подворачивается, боль рвет мышцы. Паша уже убежал далеко вперед, но вернулся, подставил мне плечо. Через пару шагов стало ясно, что в овраге так передвигаться невозможно, слишком узко для двоих, а один я заваливаюсь на каждом втором шаге. Слезы выступили на глаза, но не от боли, а от обиды – из-за такой ерунды пропасть! Сказал Паше, чтобы он дал мне свою гранату и бежал вперед, я их задержу насколько смогу. Паша посмотрел мне в лицо круглыми ошалевшими глазами. Понимал, что я прав, но не мог вот так проститься со мной. И вдруг он решился на что-то и произнес резко, почти со злостью: «Второе озеро недалеко – ползи на карачках или как можешь. Я их уведу в сторону. Встретимся в отряде». И бросился назад. А я вперед пополз. Минуты через две услышал взрыв, и по оврагу словно судорога прошла, посыпалась с боковин земля – это Паша взорвал гранату прямо в овраге, чтобы сбить собак со следа. И в самом деле лай

начал уходить в сторону. Еще через пять минут – я уже у озера был – раздались автоматные очереди и выстрелы из Пашиного «ТТ». Только три выстрела, а потом тишина. Ну, я переплыл озеро, ледяная вода сняла отек, доковылял к вечеру до деревни, ночью переправили меня. Доложил командиру: так и так, наши люди томятся в плену, надо выручать. И все ждал Пашу, до последнего надеялся. Потом, уже когда прогнали мы с той территории гадов, долго искал его тело в лесу. Не нашел.

Сторож развел руками, словно в недоумении, опустил голову и постоял так почти минуту. У Риты в глазах закипали слезы, давило в горле так, что не сглотнуть. Но нужно было держаться. Вокруг сидели ребята, стыдно было раскисать у всех на глазах.

– Только несколько лет назад, когда побывал снова в этих местах, от людей узнал про могилу в лесу. Нашел ее. Место совпадает с тем, где я три выстрела слышал. Наверное, Пашу моего еще до общевойсковой операции кто-то из местных нашел и предал земле, а после войны установили металлическую стелу с красной звездой… Вот такая история, ребята.

Сторож быстро отошел от костра, его место заняла вожатая Светлана. Она была заплаканная и не стеснялась этого. Сиплым от слез голосом она проговорила:

– Ребята, пионеры, про могилу в лесу Иван Петрович рассказал нам еще вчера, без подробностей, и мы решили вот что: прямо сейчас туда отправятся три лучших пионера из передового первого отряда – Борис Шварц, Маргарита Осипова и Дмитрий Васильев, – а также мы с Игорем Андреевичем. Мы отыщем в лесу стелу со звездой, приберемся немного, возложим цветы и сделаем фотографии для нашей стенгазеты.

Рита, услышав свою фамилию, привычно струхнула, но потом возликовала. Недовольно зашумели вокруг ребята – каждому хотелось лишний раз выбраться за территорию. Истерично и злобно выкрикнула с заднего ряда Мекалева:

– Оставьте нам Васильева, пусть он еще споет!

– Нет, я пойду, – вскочил на ноги Димка.

Рите захотелось поверить, что он так рвется в поход ради возможности побыть в ее компании, хотя, разумеется, это было не так.

– Сейчас будет военная викторина, песни закончились, – отрезал Игорь Андреевич, сурово зыркнув, разом пресекая все выкрики. – Потом, согласно обычному расписанию, линейка и завтрак. А вы трое, – обвел он названных ребят хмурым взглядом, – пойдите в корпус и переоденьтесь во что-нибудь подходящее для похода в лес. С собой лишних вещей не берите – мы вернемся в лагерь еще до обеда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.